

Е.В. Марковичева

д-р юрид. наук, доц.

*Российский государственный
университет правосудия*

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ

Статья раскрывает особенности окончания уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве в связи с примирением сторон. Автор акцентирует внимание на сложности соблюдения баланса между частными и публичными интересами при прекращении уголовного преследования. В статье рассматриваются преимущества восстановительного подхода в уголовном процессе.

В последние десятилетия российское уголовно-процессуальное законодательство развивалось крайне динамично. Это позволило решить ряд проблем уголовного судопроизводства, но и нерешенных вопросов, не смотря на активную, деятельность российского законодателя остается достаточно много. Среди нерешенных проблем много как чисто прикладных, так и тех, которые требует предварительной разработки соответствующей теоретической концепции и изменений в правовой политике. К числу таких проблем относятся вопросы соблюдения разумного баланса между интересами отдельных граждан, с одной стороны, и общества и государства, с другой, при прекращении уголовного преследования лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние.

В первую очередь, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в российской науке уголовно-процессуального права тематика частного и публичного интереса не получила достаточного развития. Между тем очевидно, что активность участников уголовного судопроизводства находится в прямой зависимости от того юридического интереса, который они выражают. В рамках сложной уголовно-процессуальной деятельности интересы участников могут совпадать, а могут вступать в противоречие. В любом случае в основе каждого интереса лежит определенная ценностная система, выражаемая через зеркало мотивов и потребностей участника уголовного судопроизводства. Если один участник может руководствоваться исключительно личными, частными мотивами, то другой, в силу процессуального положения, общественно значимыми мотивами. Установление баланса между интересом потерпевшего и

общественными интересами требует сбалансированной процессуальной деятельности как органов предварительного расследования, так и суда.

В настоящее время в поле зрения российских ученых чаще всего попадают лишь те или иные проблемные вопросы уголовного преследования и обвинения. Это объясняется ориентацией исследователей на действующие нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). В частности, российский законодатель в основу уголовно-процессуальной деятельности, как минимум в досудебных стадиях, положил уголовное преследование, которое может реализовываться в трех разновидностях: публичного, частно-публичного и частного обвинения. Поскольку подавляющее большинство уголовных дел являются делами публичного обвинения, то начало уголовного преследования не может зависеть от воли лица, пострадавшего от преступления. В таких ситуациях должностные лица органов уголовного преследования выполняют абсолютно-определенные императивные правовые предписания, сформулированные в УПК РФ.

В целом, у пострадавшего от преступления лица не так уж много возможностей, чтобы решить вопрос о целесообразности начала уголовного преследования, поскольку круг дел частного-публичного и частного обвинения в российском уголовном процессе ограничен. Без преувеличения можно утверждать, то институт частного обвинения в настоящее время переживает глубокий кризис. Как следует из официальных данных статистики, в первом полугодии 2017 года судами Российской Федерации было рассмотрено всего 12 334 уголовных дела частного обвинения [1]. Во втором полугодии, очевидно, данный показатель будет еще ниже, в связи с декриминализацией отдельных составов. Обращает на себя внимание и тот факт, что более 60% дел частного обвинения, рассмотренных российскими судами – это дела возбужденные органами предварительного расследования в интересах тех лиц, реализация которыми права на уголовное преследование в частном порядке может быть затруднена.

Еще более сложной является установление разумного баланса между частным и публичным интересами при окончании процессуальной деятельности, связанной с уголовным преследованием. В подавляющем большинстве случаев окончание уголовного преследования связывается только с привлечением виновного лица к уголовной ответственности. В силу такого подхода «юридическая сущность уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве связана исключительно с процессуальной деятельностью в отношении конкретного лица» [2, с. 141].

Отметим, что во многих современных государствах карательная парадигма сохраняется в качестве основной линии уголовной политики

в борьбе с преступностью. Однако при этом уголовный процесс активно ищет альтернативные уголовному преследованию формы разрешения уголовно-правового конфликта. Одна из таких форм может быть реализована через применение норм, составляющих институт примирения. В целом, ст. 25 УПК РФ допускает возможность прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон, а данные нормы оцениваются учеными как проявление «гуманности российского уголовно-процессуального закона» [3, с. 103].

Допущение российским законодателем ситуации, когда частный интерес может выступить спусковым механизмом для прекращения уголовного преследования следует рассматривать как оправданное допущение диспозитивности в публичный уголовный процесс. Однако сам предложенный механизм примирения отличается консервативностью и схематичностью. Это затрудняет его реализацию в рамках всех видов уголовного преследования. Например, в судебной практике нередкой является ситуация, когда по делу частного обвинения, поступившему из органов предварительного расследования, в судебном заседании примирению активно противоборствует государственный обвинитель. По этому поводу исследователи задают справедливый вопрос: как в данном случае вообще «прокурор может поддерживать государственное обвинение в суде» [4, с. 408].

Сожаление вызывает и тот факт, что уголовное преследование в связи с примирением сторон прекращается преимущественно судом. Органы предварительного расследования крайне неохотно прекращают уголовные дела по данному основанию. Причины такой ситуации кроются в наличии ведомственных интересов, когда переданные в суд дела являются мерилом эффективности работы органов предварительного расследования. Осложняет ситуацию и то, что следователь по действующему российскому законодательству выполняет не процессуальную функцию расследования, а функцию уголовного преследования, а значит должен реализовывать ее во всех стадиях. Нередко следователя останавливает и опасение, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон поставит на повестку дня вопрос о законности и обоснованности начала уголовного преследования. К сожалению, разрешение такой ситуации находится в прямой зависимости от решения более сложной задачи, связанной с реформированием предварительного расследования и наделением следователя реальной процессуальной самостоятельностью.

Дискуссионным является на сегодняшний день и вопрос о введении в уголовное судопроизводство нового участника – медиатора, призванного на профессиональной основе разрешить уголовно-правовой конфликт через специально организованную примирительную

процедуру. Внедрение элементов восстановительного правосудия в российский уголовный процесс, в целом, видится оправданным, но потребует существенных законодательных и организационно-правовых изменений. К сожалению, на сегодняшний день есть только отдельные предложения по реализации медиативных процедур в уголовном судопроизводстве, но отсутствует целостная концепция медиации в уголовном процессе. Ее разработку можно считать одной из важных задач, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Институт медиации в определенной степени способствовал бы и снижению нагрузки на судебную систему. Введение в процесс медиатора и наделение его соответствующими процессуальными правами могло бы помочь и в решении той ситуации, когда следователь считает примирение «не своим делом», противоречащим по сути его процессуальной функции уголовного преследования. Медиативная практика могла бы сыграть существенную роль в уравнивании именно частных и публичных интересов в уголовном процессе, создала бы предпосылки для реализации уголовно преследуемым лицом активных действий по восстановлению нарушенных преступлением прав потерпевшего.

Однако внедрение элементов восстановительной юстиции требует не только изменения процессуального законодательства, но и изменения отношения юридического сообщества к институту примирения с участием профессионального посредника. На сегодняшний день многие правоприменители демонстрируют скептическое отношение к медиации и не видят перспектив для ее внедрения в уголовный процесс. В этой связи требуется комплексная и систематичная работа на уровне разработки теории уголовно-процессуального права, внесения изменений в законодательство и реализации специальных программ повышения квалификации профессиональных участников уголовного судопроизводства по изучению возможностей восстановительного правосудия.

Список использованных источников

1 Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями: [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 08.04.2018).

2 Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 139-144.

3 Гриненко А.В. Гуманизация уголовно-процессуального законодательства: социальные причины и правовые последствия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. №1. С.101-108.

4 Грохотова Е.А. Сущность примирения по уголовным делам частного обвинения // Известия Юго-Западного государственного университета: Серия История и право. 2012. № 1-1. С. 129-132.

5 Белов А.В. Роль прокурора на стадии возбуждения уголовных дел частного обвинения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 1. С. 404-409.

The article reveals the specifics of the end of criminal prosecution in Russian criminal proceedings in connection with the reconciliation of the parties. The author focuses attention on the difficulty of maintaining a balance between private and public interests during the cessation of criminal prosecution. The article describes the advantages of the restorative approach in criminal proceedings.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ